

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СУДЬБАХ НАУКИ

© 1993 г., ЭО, № 1

И. С. Кон

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ НА АКТУАЛЬНЫЕ ТЕМЫ

Мне кажется, что статья В. А. Тишкова¹, хотя в ней поставлено или обозначено слишком много разных вопросов и содержится немало полемических перехлестов, явилась хорошим началом для рефлексии по поводу состояния и перспектив нашей науки. Попытаюсь, не претендуя на новизну и систематичность, высказать свои соображения по некоторым темам.

О понятийном аппарате

Это, на мой взгляд, самая важная и продуктивная часть статьи В. А. Тишкова. Не хочу спорить о словах. В современном западном обществоведении, в которое мы сейчас, как в «рынок», начинаем вписываться, слово «этнография» обозначает не столько определенную науку, отрасль знания, сколько описательную часть исследования, феноменологию интересующих ученого явлений, которые могут не иметь никакого отношения к традиционному «народоведению». Этнографию в этом смысле все ценят и уважают, а специальную науку предпочитают называть этнологией или культурной/социальной антропологией. Это дело вкуса и научных традиций. Качество работы и ее теоретический уровень от этикетки совершенно не зависят.

Другое дело — понятийный аппарат. Главная беда нашего обществоведения, как справедливо заметил В. А. Тишков, заключается в том, что мы постоянно онтологизируем собственные категории, приписывая им самостоятельное существование, тогда как в действительности все они — более или менее условные конструкты, имеющие прежде всего эвристическую ценность, помогающие нам осмыслить и организовать наш жизненный опыт и научный материал. Поэтому они, как и связывающие их научные парадигмы, постоянно изменяются, создавая в науке элемент неопределенности, но одновременно рождая новые интуиции и подходы. В гуманитарном исследовании главное — нюансы и полутона, жесткие схемы «работают» только в элементарных учебниках, да и те каждые несколько лет переписываются.

Нам это усвоить трудно. Во-первых, примитивная ленинская теория отражения, не имеющая ничего общего с марксизмом (лучшие наши философы это давно прекрасно понимали и формулировали проблемы совершенно иначе, но прямо сказать, естественно, не могли), предполагает, что понятия лишь отражают «объективную реальность», поэтому они могут быть только истинными или ложными, а уж если они истинны, то менять или переформулировать их никак нельзя.

Во-вторых, предполагалось, что все наши понятия — марксистско-ленинские, а любое покушение на них — смертельная идеологическая крамола. Никакого концептуального плюрализма тут быть не могло. Если моя теория — марксистская (а иначе плакала моя зарплата!), то всякая иная должна быть уже не вполне марксистской. Это вносило идеологию и шкурный интерес даже в самые академические споры, не имевшие никакого отношения к политике.

В-третьих, общество вообще не переносило никаких перемен, любые новые идеи, которые, как правило, предлагают молодые, нечиновные люди, встречались

в штыки как отход от традиций и т. п. В этих условиях создать и утвердить новую парадигму было куда как трудно.

Между тем онтологизация этнических категорий, представление, что этносы и их свойства существуют объективно, независимо от нашего и какого угодно другого сознания, а мы только отражаем и описываем их, не только философски наивно, но и идеологически опасно.

Есть люди, которые искренне верят, что этносы и их культуры создаются не общностью исторической судьбы и культурного наследия, а кровью. Если им удастся утвердить свое миропонимание, Пушкин из русского классика станет, по ироническому выражению Марка Захарова, всего лишь русскоязычным поэтом эфронского происхождения. Мы исключим из русской поэзии Фета, Надсона, Лермонтова (за шотландские корни). Династия Романовых, со времен Екатерины II, окажется и вовсе антирусской — стопроцентные этнические немцы! — и так далее. Возможно такое? Если народ эту философию примет — возможно. Но это будет совсем другая русская история и другая русская культура. И думать о практически-политических последствиях той или иной категоризации нужно заранее, потом будет поздно.

Ну, а если мы разом избавимся от марксистского или псевдомарксистского догматизма и усвоим «западные» понятия, все сразу станет ясно? Увы, нет. В современном западном обществоведении с новой остротой ведется старый спор средневековых номиналистов и реалистов, только номиналисты теперь называются социальными конструктивистами (все научные категории создаются обществом, культурой и не имеют смысла вне конкретного исторического контекста), а реалисты — эссенциалистами (категории отражают общую, объективную, неизменную сущность явлений). На полюсах обе точки зрения абсурдны, но в середине идет серьезный и отнюдь не схоластический спор.

Что такое, например, пол? Если это просто биологическая данность, то изменить системы половой стратификации, социальные роли, психологию мужчин и женщин и даже стереотипы маскулинности и фемининности невозможно и не нужно, история — только вариации на заданную тему. Обществоведы и особенно этнологи/антропологи знают, что это не так, что взаимоотношения полов в разных культурах неодинаковы. Однако многие социальные конструктивисты вообще не хотят принимать в расчет данные биологии и наличие некоторых кросскультурных констант. Между тем такие константы есть. Проще всего было бы «развести» понятия биологического и социального пола. Но как быть с интерпретацией реальных исторических и психологических процессов и фактов, где биологическое и социальное не разделены китайской стеной? К тому же «биологический пол» — тоже интеллектуальный и в конечном итоге культурный конструкт. Без каких-то элементов социологии познания серьезная методологическая рефлексия невозможна. Но социология познания деструктивна, она подрывает доверие к старым схемам, не давая взамен новых. А так хочется порядка и спокойствия, хотя бы в сфере собственных занятий...

Для этнологии эти вопросы особенно мучительны. В каких терминах вообще описывать иные культуры — в этных или эмных? Как бы вы ни старались понять чужую культуру «изнутри», вам все равно придется переводить чужие значения на близкий вам язык. Кстати сказать, заповедь В. А. Тишкова этнографу «Не формулируй проблему там, где ее не видит сам народ» (с. 18), если принять ее буквально, делает этнографическую науку бесполезной: ученый будет только повторять иллюзии народа на собственный счет, вместо того, чтобы смотреть вперед и видеть именно проблемы, а не просто клише массового сознания.

Очарование и трудность современной науки состоят в том, что философская рефлексия, которой раньше можно было избежать, хотя по-настоящему большие ученые этого никогда не делали, сегодня необходима постоянно, она не только сопутствует эмпирическому исследованию, но часто опережает его. И от этого мы никуда не денемся, хотим мы того или нет.

О кабинетной науке, историографии и междисциплинарных исследованиях

По мнению В. А. Тишкова, «книжные», «вторичные» работы и метатеоретические рассуждения практически не нужны, потому что они «не заменяют» полевых исследований. Но при чем тут вообще «замена»? А делать хорошие полевые исследования, не зная современного состояния и истории науки, из чего вытекают ваши исследовательские задачи, можно? Историография и обобщающие работы были, есть и будут важной автономной частью любой науки. В зарубежных физических журналах за экспериментальные работы, самые гениальные, не платят, а за обзорные статьи платят, и пишут их не аспиранты, как у нас, а крупнейшие ученые. Речь должна идти не о жанре, а о качестве работы. Одно дело — поверхностная компиляция или набор идеологических клише и совсем другое — серьезная аналитическая работа. Это даже странно объяснять, поскольку В. А. Тишков сам много занимался историографией. Сегодня, когда мы входим в мировую науку, от которой раньше изолировались, такие работы нужны нам, пожалуй, даже больше, чем частные исследования. Без них невозможно вырастить грамотную научную молодежь. Мы плохо знаем современную научную литературу. Я не самый дремучий человек в своей области, но в гарвардских книгохранилищах я часто испытывал просто отчаяние от обилия неизвестной мне литературы. Все прочитать невозможно. Значит, тем важнее, чтобы кто-то знающий и достойный доверия облегчил нам, и особенно полевым этнографам, у которых меньше времени для чтения, эту работу, а не просто тыкал в нос имена неизвестных авторов и названия незнакомых книг. Наука — дело коллективное. Мама всякие нужны, мамы всякие важны. Лишь бы они были хорошими и добросовестными.

То же — и о междисциплинарных связях. По мнению В. Н. Басилова², Ю. В. Бромлей, расширив рамки предмета этнографии, по сути дела разрушил эту науку. Я с этим категорически не согласен. Лидия Яковлевна Гинзбург как-то сказала, что у нас есть две формы обращения с литературными ценностями прошлого — оплевывание и облизывание³. Мне не нравится ни то, ни другое.

Расширение границ традиционной этнографии и сближение ее со смежными обществными науками, как это принято во всем мире, — объективная необходимость. То, что Ю. В. Бромлей это понял, — его большая заслуга. Можно по-разному относиться к деятельности Ю. В. Арутюняна, О. И. Шкаратана или моей, но она явно не понизила интеллектуальный уровень и общественный престиж Института этнографии ни в стране, ни за рубежом, даже если не все наши работы были строго по его профилю. Мне было приятно недавно прочитать в авторитетной американской книге, что «этнографический подход к развитию ребенка», разрабатываемый в нашем институте, «более эрудирован, чем его западные аналоги», поскольку он «интегрирует историческое, семиотическое, этнографическое и социально-психологическое знание», что редко делается в западноевропейской и североамериканской психологии⁴. Если бы нашим парадом вместо Ю. В. Бромлея командовал В. Н. Басилов, ни этносоциологии, ни этнопсихологии, ни этнографии детства у нас бы не было.

Если оценивать и бромлеевскую теорию этноса в реальном историческом контексте, она заслуживает более уважительного отношения. Введенные им формальные категории давали некоторую отдушину, возможность отойти от священной формационно-эволюционистской схемы: род, племя, народность и т. д. Конечно, Ю. В. Бромлей не понимал условности и ограниченности собственных категориальных схем и постепенно они становились все более схоластическими. Но все-таки уровень теоретического мышления, включая и возможность споров, в Институте этнографии был выше, а психологическая атмосфера лучше, чем в других исторических, не говоря уже о философских, учреждениях 1970-х годов (позже ситуация и здесь ухудшилась, но таково было свойство времени). В отличие от «научных коммунистов» и примыкавших к ним историков, этнографы не просто толковали цитаты столетней давности, а обсуждали реальные проблемы межнациональных отношений и многое другое. Со стороны эта разница была очень заметна.

О моральной ситуации

Сейчас все говорят о морали. Но «общественное покаяние», к которому мы призываем друг друга, очень похоже на хорошо знакомые нам общественные проработки. На практике люди обвиняют главным образом других — партаппарат, цензоров, редакторов, только не себя. А ведь и цензорами и давителями, как и жертвами, были в первую очередь мы сами.

Наша память очень избирательна. Я искренне сочувствую молодому В. Н. Басилову, статью которого корезжил редактор. Но у меня и в редакции Этнографической библиотеки сохранился отзыв В. Н. Басилова на сборник трудов Маргарет Мид, отзыв, который своей охранительностью поверг в крайнее удивление весь ленинградский сектор общих проблем. Мы читали его вслух. Потом я учел те замечания, которые счел достойными внимания, а остальное проигнорировал. И никакие идеологические «надсмотрщики» к книге претензий не имели.

Из статьи В. И. Козлова⁵ я узнал, что мужественный беспартийный ученый был почти что диссидентом и всегда противостоял «недемократическому режиму». Но хотя я высоко ценю многие работы Виктора Ивановича, в моем субъективном восприятии он был, вслед за И. А. Крывелевым, одним из главных блюстителей идеологической чистоты в институте, особенно когда речь шла об отношении к «буржуазной» науке. Ю. В. Бромлей, как известно, не любил Л. Н. Гумилева, но я помню, как он при свидетелях сокрушался по поводу разносной рецензии В. И. Козлова в «Вопросах истории», после которой Гумилев неизбежно приобрел репутацию мученика. В. И. Козлов считает преимуществом советской системы оценки научных трудов то, что «у нас есть больше возможностей критиковать такие (непродуманные. — И. К.) концепции на стадии их зарождения и оформления, т. е. еще до того, как они „пошли в рост“»⁶. Слава Богу, что эти возможности сейчас уменьшились. Если бы Ученый совет всегда прислушивался к мнению В. И. Козлова, боюсь, что у нас не вышло бы ни одной книги. Лучше уж пусть книга выйдет, а там видно будет.

Только, ради Бога, не думайте, что я считаю себя лучше Басилова и Козлова. За очень редкими исключениями, мы все не черные, не красные и не белые, а серо-буро-малиновые в крапинку. В молодости, еще мало в чем разбираясь, я и сам пользовался идеологическими ярлыками, таков был «нормальный» язык советской науки, а в зрелом возрасте, под влиянием страха, не раз допускал нравственные компромиссы. Сегодня нам нужно не столько каяться (это лучше делать про себя, в моральном стриптизе есть нечто непристойное), сводить счеты с покойниками или укорять друг друга, сколько думать о будущем. Тем более, что вопросы эти не только моральные, но и интеллектуальные.

Это касается и отношения к западной науке. И по своей тематике, и по убеждениям, я всегда был «западником» и делал все, что мог, для пропаганды у нас передовой науки. Отрицать нашу отсталость, утешаясь тем, что «в научном отношении их „доктора“ и „профессора“ в среднем (о каком „среднем“ можно вообще говорить в науке? — И. К.) уступают нашим»⁷, неправильно. Но после того, как я получил возможность посмотреть западную науку вблизи, а не только по ее наиболее значительным достижениям, мое отношение к ней стало более критичным, чем раньше. Людей, которые действительно продуцируют новые идеи или обладают широким общенаучным кругозором, мало везде, и в собственной среде они очень часто являются маргинальными. Наши ученые, за редкими исключениями, плохо знают иностранную литературу из-за языкового барьера и книжного дефицита. Американцы, за редкими исключениями, мало читают, потому что книг слишком много и потому, что широкие знания снижают самоуважение (лучший способ убедить себя, что ты — первый в мире, а это очень важно в условиях конкуренции, — не читать того, что сделали другие). Значительная часть научных книг и статей выходит в свет только потому, что действует принцип: «печатайся или погибай». Нам, как известно, печататься теперь негде, а западные «спонсоры» будут финансировать только то, что им

понятно или имеет для них практическое значение. Это ставит фундаментальную науку в безнадёжное положение. Единственный шанс для молодого ученого — хорошо знать разные направления мировой науки, чтобы найти то, которое ему ближе и где его оригинальность может быть оценена и поддержана.

К сожалению, иностранные книги и журналы для библиотек теперь надо выпрашивать. С помощью международных и национальных профессиональных ассоциаций это в принципе возможно, но дирекция должна систематически заниматься этим. Американские обещания еще более ненадежны, чем наши.

О межнациональных отношениях и условиях выживания

В статье В. А. Тишкова высказано много интересных мыслей на сей счет. Мне кажется, что теоретические истоки наших нынешних политических трудностей коренятся еще в дооктябрьских установках большевиков, в их негативном отношении к теории национально-культурной автономии и в представлении, что все проблемы могут быть решены исключительно на основе права наций на самоопределение. Национально-государственное устройство СССР было во многом искусственным, реальных изменений в этнической стратификации страны не замечали и не учитывали. На самом деле многие языковые, экономические и культурные проблемы, раздражающие сейчас страну, реально могут быть решены не путем нового великого переселения народов, а на уровне внутриобщинных и межобщинных отношений. Делать это трудно даже в экономически стабильном обществе, с хорошими демократическими традициями и институтами. У нас сегодня, когда люди раздражены и каждый думает, что единственный имеющийся кусок хлеба съедает его ненавистный сосед, это кажется политической утопией. Но рано или поздно придется вернуться к этому подходу, и проработать его возможные варианты нужно заранее.

Будут ли это делать этнологи, социологи, политологи, конфликтологи или еще кто-то — не столь важно. Выпады В. А. Тишкова против самозванных «специалистов по национальным отношениям» кажутся мне наивной попыткой сохранить монополию на решение политических вопросов, которая никогда и не принадлежала этнографам. Наука и политика — разные формы деятельности.

Кстати сказать, ученые-обществоведы, как правило, гораздо сильнее в своих негативных рекомендациях — чего не следует делать, чем в выработке положительных программ. А политики ждать не могут, им нужно принимать решения сегодня. В периоды революций политическую карьеру чаще всего делают наименее нравственные и социально ответственные деятели, всегда готовые сказать: «Есть такая партия!»

Большевизм — не столько идеология, сколько стиль мышления, стержень которого составляет то, что я когда-то назвал подростковым синдромом: все начинается с нас, все возможно, все должно быть сделано сразу, немедленно. В этом смысле многие наши антикоммунисты являются на самом деле стопроцентными большевиками, какими никогда не были трусливые брежневские застатпаратчики. Но будущее принадлежит не тем, кто поверит этой фразеологии, а тем, кто под шумок «приватизирует» государственную и иную плохо лежащую собственность.

На мой взгляд, нынешняя антисоветская революция является демократической настолько, поскольку она направлена против авторитарной власти. Но по своим задачам она консервативна, стремясь восстановить то, что было раньше. Когда именно раньше — до 1917 г., до Петра I или до взятия Казани — вопрос открытый. Однако история назад не ходит. Стремление строить завтрашний день на основе вчерашнего, минуя вчера и сегодня, движение к неизвестному, воображаемому прошлому — очередная опасная утопия. Что из всего этого вырастет — Бог знает. Ученые-гуманитарии не могут предложить обществу ничего, кроме своих знаний и основанного на них реализма и умеренности. Обладаем ли мы этими

понятно или имеет для них практическое значение. Это ставит фундаментальную науку в безнадёжное положение. Единственный шанс для молодого ученого — хорошо знать разные направления мировой науки, чтобы найти то, которое ему ближе и где его оригинальность может быть оценена и поддержана.

К сожалению, иностранные книги и журналы для библиотек теперь надо выпрашивать. С помощью международных и национальных профессиональных ассоциаций это в принципе возможно, но дирекция должна систематически заниматься этим. Американские обещания еще более ненадежны, чем наши.

О межнациональных отношениях и условиях выживания

В статье В. А. Тишкова высказано много интересных мыслей на сей счет. Мне кажется, что теоретические истоки наших нынешних политических трудностей коренятся еще в дооктябрьских установках большевиков, в их негативном отношении к теории национально-культурной автономии и в представлении, что все проблемы могут быть решены исключительно на основе права наций на самоопределение. Национально-государственное устройство СССР было во многом искусственным, реальных изменений в этнической стратификации страны не замечали и не учитывали. На самом деле многие языковые, экономические и культурные проблемы, раздражающие сейчас страну, реально могут быть решены не путем нового великого переселения народов, а на уровне внутриобщинных и межобщинных отношений. Делать это трудно даже в экономически стабильном обществе, с хорошими демократическими традициями и институтами. У нас сегодня, когда люди раздражены и каждый думает, что единственный имеющийся кусок хлеба съедает его ненавистный сосед, это кажется политической утопией. Но рано или поздно придется вернуться к этому подходу, и проработать его возможные варианты нужно заранее.

Будут ли это делать этнологи, социологи, политологи, конфликтологи или еще кто-то — не столь важно. Выпады В. А. Тишкова против самозванных «специалистов по национальным отношениям» кажутся мне наивной попыткой сохранить монополию на решение политических вопросов, которая никогда и не принадлежала этнографам. Наука и политика — разные формы деятельности.

Кстати сказать, ученые-обществоведы, как правило, гораздо сильнее в своих негативных рекомендациях — чего не следует делать, чем в выработке положительных программ. А политики ждать не могут, им нужно принимать решения сегодня. В периоды революций политическую карьеру чаще всего делают наименее нравственные и социально ответственные деятели, всегда готовые сказать: «Есть такая партия!»

Большевизм — не столько идеология, сколько стиль мышления, стержень которого составляет то, что я когда-то назвал подростковым синдромом: все начинается с нас, все возможно, все должно быть сделано сразу, немедленно. В этом смысле многие наши антикоммунисты являются на самом деле стопроцентными большевиками, какими никогда не были трусливые брежневские партаппаратчики. Но будущее принадлежит не тем, кто поверит этой фразеологии, а тем, кто под шумок «приватизирует» государственную и иную плохо лежащую собственность.

На мой взгляд, нынешняя антисоветская революция является демократической настолько, поскольку она направлена против авторитарной власти. Но по своим задачам она консервативна, стремясь восстановить то, что было раньше. Когда именно раньше — до 1917 г., до Петра I или до взятия Казани — вопрос открытый. Однако история назад не ходит. Стремление строить завтрашний день на основе вчерашнего, минувя вчера и сегодня, движение к неизвестному, воображаемому прошлому — очередная опасная утопия. Что из всего этого вырастет — Бог знает. Ученые-гуманитарии не могут предложить обществу ничего, кроме своих знаний и основанного на них реализма и умеренности. Обладаем ли мы этими

понятно или имеет для них практическое значение. Это ставит фундаментальную науку в безнадежное положение. Единственный шанс для молодого ученого — хорошо знать разные направления мировой науки, чтобы найти то, которое ему ближе и где его оригинальность может быть оценена и поддержана.

К сожалению, иностранные книги и журналы для библиотек теперь надо выпрашивать. С помощью международных и национальных профессиональных ассоциаций это в принципе возможно, но дирекция должна систематически заниматься этим. Американские обещания еще более ненадежны, чем наши.

О межнациональных отношениях и условиях выживания

В статье В. А. Тишкова высказано много интересных мыслей на сей счет. Мне кажется, что теоретические истоки наших нынешних политических трудностей коренятся еще в дооктябрьских установках большевиков, в их негативном отношении к теории национально-культурной автономии и в представлении, что все проблемы могут быть решены исключительно на основе права наций на самоопределение. Национально-государственное устройство СССР было во многом искусственным, реальных изменений в этнической стратификации страны не замечали и не учитывали. На самом деле многие языковые, экономические и культурные проблемы, раздражающие сейчас страну, реально могут быть решены не путем нового великого переселения народов, а на уровне внутриобщинных и межобщинных отношений. Делать это трудно даже в экономически стабильном обществе, с хорошими демократическими традициями и институтами. У нас сегодня, когда люди раздражены и каждый думает, что единственный имеющийся кусок хлеба съедает его ненавистный сосед, это кажется политической утопией. Но рано или поздно придется вернуться к этому подходу, и проработать его возможные варианты нужно заранее.

Будут ли это делать этнологи, социологи, политологи, конфликтологи или еще кто-то — не столь важно. Выпады В. А. Тишкова против самозванных «специалистов по национальным отношениям» кажутся мне наивной попыткой сохранить монополию на решение политических вопросов, которая никогда и не принадлежала этнографам. Наука и политика — разные формы деятельности.

Кстати сказать, ученые-обществоведы, как правило, гораздо сильнее в своих негативных рекомендациях — чего не следует делать, чем в выработке положительных программ. А политики ждать не могут, им нужно принимать решения сегодня. В периоды революций политическую карьеру чаще всего делают наименее нравственные и социально ответственные деятели, всегда готовые сказать: «Есть такая партия!»

Большевизм — не столько идеология, сколько стиль мышления, стержень которого составляет то, что я когда-то назвал подростковым синдромом: все начинается с нас, все возможно, все должно быть сделано сразу, немедленно. В этом смысле многие наши антикоммунисты являются на самом деле стопроцентными большевиками, какими никогда не были трусливые брежневские партаппаратчики. Но будущее принадлежит не тем, кто поверит этой фразеологии, а тем, кто под шумок «приватизирует» государственную и иную плохо лежащую собственность.

На мой взгляд, нынешняя антисоветская революция является демократической настолько, поскольку она направлена против авторитарной власти. Но по своим задачам она консервативна, стремясь восстановить то, что было раньше. Когда именно раньше — до 1917 г., до Петра I или до взятия Казани — вопрос открытый. Однако история назад не ходит. Стремление строить завтрашний день на основе вчерашнего, минуя вчера и сегодня, движение к неизвестному, воображаемому прошлому — очередная опасная утопия. Что из всего этого вырастет — Бог весть. Ученые-гуманитарии не могут предложить обществу ничего, кроме своих мечаний и основанного на них реализма и умеренности. Обладаем ли мы этими

[The text in this page is extremely faint and illegible. It appears to be a series of paragraphs, possibly containing a list or detailed notes, but the individual words and sentences cannot be discerned.]